

Н. П. Генералова

ЗАМЕТКИ ТЕКСТОЛОГА
(При подготовке «Вечерних огней»)

I

Кто был адресатом эпиграммы
«Поднять вас трудишься напрасно...»?
(гипотеза)

Эпиграмма Фета «Поднять вас трудишься напрасно...» впервые была опубликована в издании, подготовленном Б. В. Никольским, в 1901 году.¹ Вот ее текст (воспроизводим по автографу, сохранившемуся в рабочей тетради Фета: Т 2. Л. 115):

Поднять вас трудишься напрасно,
Вы распластались на гроше.
Все, что покруче вам ужасно,
А все, что плоско по душе.

Вопрос об адресате в литературе о Фете пока не поднимался. Сложности возникли уже с датировкой эпиграммы. Первый публикатор, составивший Хронологический указатель стихотворений Фета, условно обозначил ее временные рамки периодом с 1871 по 1886 год, считая, очевидно, что именно в этот период Фет вносил записи в рабочую тетрадь, которая получила у исследователей название Тетрадь № 2.²

¹ *ПССм 1901*. Т. 2. С. 22.

² Там же. Т. 3. С. 398.

Еб. I

Еще, еще! А сердце сибиряка
 Довольно приубиет его радость
 И все, что в киреет и в вышине
 Вовлечет в ловко веселая.

Уже травма сибиряка в колене таинство,
 Как же вы видите прокрасит,
 Умань славовую тучь и тета сибиряка
 Сладкий первый грехи паровая.

Поднять вас трудиться напрасно...
 Взрастает адис (на оранж)
 Вид, что шкуру вензураем,
 Аки, что ниско подз...

Эпиграмма Фета «Поднять вас трудиться напрасно...»
 Автограф (ИРЛИ)

Б. Я. Бухштаб сузил эти рамки до 1874–1886, согласно своей точке зрения на время заполнения тетради. Заглянем в нее.

Четверостишие записано в нижней части листа 115 после списка неизвестной рукой стихотворения «Еще, еще! Ах сердце слышит...». А на соседнем листе (Л. 114 об.) находится сделанный той же рукой список стихотворения «Дорогому другу графу Льву Николаевичу Толстому» («Была пора, своей игрою...»). Оба списка не имеют авторской правки, они, без сомнения, сделаны с письма к Л. Н. Толстому от 23 апреля 1877 года. По цвету чернил можно заключить, что запись эпитаграммы сделана гораздо позднее, но в любом случае временные рамки написания можно с уверенностью сузить. Первая крайняя дата будет: апрель 1877 года.

Случайно или не случайно четверостишие появилось именно под стихотворением «Еще, еще! Ах сердце слышит...», посланным в письме к Толстому, решить сложно. Фет часто использовал свободное место на уже заполненных листах, чтобы внести новую запись. Но некоторые факты могут навести на мысль, что текст эпитаграммы напрямую связан с Л. Н. Толстым.

1) С конца 1870-х годов Толстой переживает духовный кризис и постепенно отходит от литературы, обратившись к разработке религиозно-философских проблем. Этот поворот вызывает страстные возражения Фета, пытавшегося сначала лично, в беседах и письмах переубедить писателя, затем косвенно (через Н. Н. Страхова) воздействовать на Толстого. В начале 1880-х годов переписка с Толстым прекращается.

2) В отличие от стихотворения «Еще, еще! Ах сердце слышит...» Фет не включил «парное» стихотворение «Дорогому другу графу Льву Николаевичу Толстому» («Была пора, своей игрою...») в первый выпуск «Вечерних огней» (М., 1883). В нем оказалось другое: «Гр. Л. Н. Т—у» («Как ястребу, который просидел...»). Очевидно, составляя в 1882 году сборник, Фет не был готов назвать Л. Н. Толстого «дорогим другом», как это значилось в заглавии. Дружба и в самом деле дала трещину.

3) Включая в 1884 году стихотворение во второй выпуск «Вечерних огней», Фет меняет заглавие, убирая слова «Дорогому другу» и внося подзаголовок: «При появлении романа: „Война и мир“», что без сомнения отсылало к «прошлому» Толстому, автору великого романа. Б. Я. Бухштаб совершенно верно заметил несоответствие подзаголовка реальности:³ во время написания стихотворения (апрель 1877) Толстой завершал роман «Анна Каренина».

³ ПССМ 1937. С. 730.

Валентин
1844 года

№ 26

II

Дорогому другу
Графу, Льву Николаевичу Майеру.

Была пора, своей игрою
Своею ризаго стоило
Марской просторь и шейю милым.
И Дороженьки в твои и в дурри
То легкой толочей лазури,
То твоя и прибрери вь скаль.

Но вать, о шаре! внаебю тайной
Не все шить шить твой воекь случайной
Швадуну просидею мало.
Давдею крась зрестяковий мой
И вурь и шонюю с шифий мой
Вь свядею шонюю шренюю етало.

А. Фет

Стихотворение Фета «Была пора, своей игрою...»
Список (ИРЛИ)

4) В тексте эпиграммы есть выражение, прямо отсылающее к Толстому. Ст. 3: *Все, что покруче вам ужасно*. В письме от 31 января — 1 февраля 1879 года Толстой писал Фету по поводу двух его стихотворений: «Стихотворенье последнее мне не так понравилось, как предшествующее, и по форме (не так круто, как то), и по содержанию <...>». Фет откликнулся: «Ваше выражение *круто* — превосходно».⁴

Таким образом, адресат эпиграммы предположительно может быть отнесен к Толстому. Можно предположить и дату ее создания: осень 1884 года. Когда Фет готовил второй выпуск «Вечерних огней», он, просматривая рабочие тетради, обнаружил неопубликованное послание к Л. Н. Толстому, не включенное в первый выпуск. Изменив заглавие, поэт в сущности создал новую и последнюю редакцию стихотворения. А в одном из последних писем от 7 июля 1884 года, взывая к Толстому-художнику, написал: «Вы сидите, сидите, ломаете себя всеми зависящими от человека средствами <...> да вдруг Ваша целостная, могучая природа художника и хлынет из Вас, как из напруженного меха».⁵

II

О тексте вступительного стихотворения ко второму выпуску «Вечерних огней»

Второй выпуск «Вечерних огней» открывается следующим стихотворением:

Не смейся, не дивися мне
В недоуменьи детски-грубом,
Что перед этим дряхлым дубом
Я вновь стою по старине.

Не много листьев на челе
Большого старца уцелели;
Но вновь с весною прилетели
И жмутся горленки в дупле.

Б. Я. Бухштаб справедливо заметил, что стихотворение не имеет нумерации (как остальные в сборнике) и является «вступительным».⁶

⁴ Толстой. *Переписка*. Т. 2. С. 43, 44.

⁵ Там же. С. 116.

⁶ *ПССМ 1937*. С. 719.

Комментаторы не обращали особенного внимания на этот текст, да он, кажется, и не нуждается в комментариях. Пожилой поэт признается в том, что с весной он оживает вместе с птицами, вновь вспоминает свою молодость. Однако обращение к автографу позволяет вернуться к вопросу о выборе стихотворения, открывающего сборник. На обороте листа 29 «второй» рабочей тетради в левом верхнем углу стоит простым карандашом помета «NB» и начато слово «Пер», которое можно прочитать по-разному, например: а) Переделать, б) Первое, в) Перевод, г) Переписано и т. д. Пометы принадлежат, без сомнения, самому поэту. Поскольку это стихотворение действительно оказалось первым в сборнике, предположим, что верен второй вариант прочтения. Весь текст перечеркнут тем же простым карандашом, что означает, скорее всего, что стихотворение уже переписано для сборника.

На том же листе в Т 2 внизу вписан еще один автограф — стихотворение «Еще одно забывчивое слово...», тоже перечеркнутое простым карандашом крест-накрест. Слева от текста также есть помета «NB», но сделана она чернилами, теми же, что записано стихотворение. Оба стихотворения не имеют нумерации красным карандашом, как остальные стихотворения, вошедшие в сборник.

Это дает основания предполагать, что Фет колебался в выборе текста, открывающего *ВО 2*. И первым, очевидно, было стихотворение «Еще одно забывчивое слово...», которое оказалось помещенным в конце сборника под номером «XXV»:

Еще одно забывчивое слово,
Еще один случайный полувздок
И тосковать я сердцем стану снова
И буду я опять у этих ног.

Душа дрожит, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угас весенний день
И при луне на жизненном кладбище,
Страшна и ночь и собственная тень.

Это стихотворение отсылает нас к теме «умершей возлюбленной», которой, как полагает большинство исследователей, была трагически погибшая в 1850 году Мария Лазич. Если наша гипотеза верна, то стихотворение, которым Фет хотел первоначально открыть сборник, означало бы посвящение его памяти Лазич. Однако впоследствии поэт, видимо, отказался от своего первоначального замысла.

Ш

«От чего» или «отчего»? (О стихотворении «Теперь»)

В стихотворении «Теперь» есть одно «темное» место, которое до сих пор не привлекало внимания текстологов. Казалось бы, вопрос и не должен возникать, если слово и в автографах, и в первой, и во всех последующих публикациях писалось однозначно, без разночтений. Поэт обращается к некой деве, которая будет читать его стихи уже после его смерти:

Мой прах уснет забытый и холодный,
А для тебя настанет жизни май;
О, хоть на миг душою благородной
Тогда стихам звучавшим мне внимай.

И вдумчивым и чутким сердцем девы
Безумных снов волненья ты поймешь,
И отчего в дрожащие напевы
Я уходил — и ты за мной уйдешь <...>

Слово, о котором идет речь, — наречие «отчего». Действительно, во всех источниках оно написано у Фета отдельно. Но если для XIX века такое написание наречия было обычным и в современных публикациях по умолчанию приобретало надлежащий вид (например, в стихотворении «Молятся звезды, мерцают и рдеют...» ст. 2 ранней редакций выглядел так: «Молятся месяц, плывя по немногу...»), то в стихотворении «Теперь» оно так и осталось в виде местоимения с предлогом: «от чего». Так от чего же уходил Фет в свои «дрожащие напевы» и вслед за ним должна была в них же удалиться и дева, обладающая «вдумчивым и чутким сердцем»? От тягот жизни, от страданий, от обманутых надежд — тема, пронизывающая все творчество Фета, считавшего искусство единственным для себя и для других («вдумчивых и чутких сердцем») способом преодолеть невыносимые муки жизни, этого «крикливого базара Бога». Однако для современного читателя наречие, написанное отдельно, означает нечто конкретное, нечто, от чего можно уйти. Смысл же поэтического высказывания Фета явно в другом: в причине, по которой он «уходит» и зовет за собой других. Причина эта состоит в том, что жизнь человека — это страдание, преследующее его от рождения до самой смерти. И в этом смысле «от чего» обретает значение «почему», «по какой причине» или «по каким причинам» и должно, безусловно, писаться слитно.

Следует заметить, что вопрос об орфографии при печатании стихотворений Фета и, в частности, вопрос о слитном и раздельном написании слов возник уже у издателей первого посмертного собрания стихотворений 1894 года Н. Н. Страхова и К. Р. Отвечая великому князю на его поправку, Страхов писал 10 декабря 1893 года: «Поправка *никем* вместо *ни кем*, конечно, правильная; но, мне кажется, беда еще небольшая, по правилу: если то, что пишется слитно, можно написать раздельно, то раздельность всегда допускается».⁷ Теперь и в этом случае *никем* пишется вместе.

IV

О датировке стихотворения «Измучен жизнью, коварством надежды...»

Творческая история стихотворения очень сложна. Ранняя редакция состояла из 7 строф. При доработке, зафиксированной в *T 2*, текст был разделен на два самостоятельных стихотворения, одно из которых сохранило 4 строфы прежней редакции (две были дописаны позднее), а другое — «В тиши и мраке таинственной ночи...» включило в себя 2 строфы из первой редакции и одну строфу, вписанную позднее. При этом оба новых стихотворения сохранили сквозную нумерацию: «I» и «II». Так они были и напечатаны, одно за другим в первом выпуске «Вечерних огней», сохранив таким образом «воспоминание» о некоем единстве замысла.

В самом деле, оба стихотворения связаны общей темой, что сказалося как в образном строе стихотворения, так и в глубокой философской мысли, объединяющей оба текста. О первом из них («Измучен жизнью, коварством надежды...») Д. Д. Благой писал, что оно является «одним из самых значительных философских стихотворений I выпуска „Вечерних огней“», «сплавом как философских суждений самого Шопенгауэра, так и взятых им на вооружение идей древнеиндийской философии», а также драмы Кальдерона «Жизнь есть сон». «Своеобразная поэтическая космография этого стихотворения, чрезвычайно оригинального и по своему музыкальному звучанию (редкое сочетание двусложных и трехсложных стоп со сплошь женской, открытой замирающей, как звук, рифмой), насквозь пронизана глубоким космическим

⁷ К. Р. Перетиска. С. 418.

лиризмом, подобно которому не было в русской поэзии после „Вечернего размышления о Божием величестве“ Ломоносова <...>».⁸

Очевидно, Фет долго не решался отдать в печать стихотворение ввиду его особой метафизической интимности, которая будет свойственна его более поздним лирическим произведениям. Символическое изображение «двойного бытия» поэта во времени и в вечности впервые оформилось в стихотворении в единый лирико-философский образ. По той же причине строфы, содержащие личные мотивы, были выделены в отдельное стихотворение.

Датировалось стихотворение традиционно 1864 годом, по положению в Т 2 и Хронологическому указателю, составленному Б. В. Никольским и приложенному к изданию Полного собрания стихотворений 1901 года, пока в 1975 году В. В. Кожин не усомнился в ней, выставив в качестве аргумента для передатировки недостаточное знакомство Фета в 1864 году с философией А Шопенгауэра.⁹

Дело в том, что эпиграф к стихотворению был взят из сочинения Шопенгауэра «*Parerga und Paralipomena*» (Т. 2. §29). В переводе он звучит так: «Равномерность движения времени во всех головах более чем что-либо иное доказывает, что все мы погружены в один и тот же сон и даже что все видящие этот сон являются Единым существом» (нем.). Подобная мысль не раз была высказана и в главном труде Шопенгауэра «Мир как воля и представление». Например, в §5 книги первой, ссылаясь на Платона, Шекспира, Кальдерона и др. источники, философ пишет: «Мы ни в каком случае не в силах проследить член за членом причинную связь между каждым пережитым событием и настоящим мгновением, однако на этом основании никто не утверждает, что оно приснилось. Поэтому в действительной жизни обыкновенно не прибегают к такого рода исследованию, чтобы различить сон от действительности. Единственно верным критерием для различия сна от действительности на деле является не что иное как совершенно эмпирический критерий — пробуждение, коим, конечно, несомненно и осязательно прерывается связь причинности между приснившимися событиями и бдением».¹⁰

Очевидно, смущение Кожина было вызвано не только ссылкой на Шопенгауэра, но и не очень свойственным творчеству Фета ярко выраженным философским содержанием стихотворения. Подобные стихи

⁸ Фет А. А. Вечерние огни / Изд. подгот. Д. Д. Благой, М. А. Соколова. 2-е изд. М., 1979. С. 622–623 (Лит. памятники).

⁹ Кожин В. В. Фет и «эстетство» // Вопросы литературы. 1975. № 9. С. 135.

¹⁰ Шопенгауэр. С. 15–16. Пер. А. Фета.

стали появляться действительно в более позднее время и во многом определялись, по признанию самого Фета, его углубленным изучением (в особенности, когда он в 1878 году приступил к переводу «Мира как воли и представления») Шопенгауэра. Стихотворение не было напечатано вплоть до 1883 года (дата выхода в свет первого выпуска «Вечерних огней») и не присутствует ни в одном из сохранившихся писем поэта. Кроме того, Б. Я. Бухштаб, тщательно изучивший рабочие тетради Фета, почему-то датировал стихотворение *предположительно* 1864 годом во всех трех изданиях «Библиотеки поэта» (1937, 1959 и 1986 годов).

И все же сомнение В. В. Кожина лишено оснований. Именно в 1864 году Фет заказывал В. П. Боткину приобрести для него сочинения Шопенгауэра, и просьбу эту Боткин исполнил.¹¹ Само собою разумеется, что заказывать книги Фет не стал бы, не будучи с ними знакомым. А более поздние письма к Л. Н. Толстому позволяют даже точно сказать, что среди купленных Боткиным книг было не только издание «Мира как воли и представления» (очевидно, вышедшее в 1859 году), но и «Paregga und Paralipomena» (вышедшее в 1851 году).¹² Исследователя смутило письмо Толстого от 30 августа 1869 года, в котором писатель делился своим «открытием» Шопенгауэра и сообщал, что начал переводить его, упоминая о якобы пренебрежительном отклике Фета о немецком философе.¹³ Но эти признания касаются прежде всего самого Толстого, а не Фета. Человеком, познакомившим поэта впервые с философией Шопенгауэра, был, по-видимому, И. С. Тургенев.¹⁴

Можно, кажется, утверждать, что именно при доработке ранней редакции стихотворения (впервые реконструированной Б. Я. Бухштабом) оформился более поздний цикл философских стихотворений, генезис которых неразрывно связан с философскими идеями Шопенгауэра.

¹¹ *МВ.* Ч. 2. С. 57.

¹² Когда Толстой просил вернуть ему Шопенгауэра, Фет писал: «Шопенгауэр у меня. „Welt“ от Вас, но мой собственный, купленный Боткиным — и первая часть, переплетенная в Орле, и „Paregga“ мой собственный — и тоже были у Вас, да давно вернулись. Я не могу вчитаться в чужие книги» (*Толстой. Переписка.* Т. 2. С. 91; письмо от 19 марта 1880 г.).

¹³ Там же. Т. 1. С. 391.

¹⁴ Можно с уверенностью утверждать, что к 1861 г. Тургенев был уже знаком с главным сочинением Шопенгауэра «Мир как воля и представление», которое вышло в расширенном и дополненном виде в 1859 г. Возможно, именно тогда Тургенев и познакомился с этим трудом.

Самым же весомым аргументом в пользу ранее установленной датировки является положение его в *T 2*. Оно даже позволяет уточнить датировку периодом между 20 апреля и началом ноября 1864 года, поскольку примерно этими датами были помечены не дошедшие до нас письма Фета к И. С. Тургеневу, содержащие стихотворные послания, расположенные в *T 2* на листах 27–29 и 37–38 (дата 20 апреля 1864 определена Б. Я. Бухштабом по содержанию послания Фета¹⁵); на другое послание Тургенев ответил 20 ноября (2 декабря) 1864 года.¹⁶

V

Тайна стихотворения «Это утро, радость эта...»

Стихотворение «Это утро, радость эта...» принадлежит, без сомнения, к шедеврам лирики Фета. Это самая что ни на есть чистая лирика, чище не бывает. Что может быть в нем таинственного? Читатель ошибется, если подумает, что я собираюсь открыть тайный адресат стихотворения. Его и не надо искать. Это было бы так же смешно, как если бы пытались определить, к кому обращено стихотворение «Шепот, робкое дыханье...» (если говорить точнее, «Шепот сердца, уст дыханье...»), как было в первой редакции, исправленной по совету Тургенева). То есть определить-то, конечно, можно, но зачем? Не достаточно ли нам, что это стихотворение существует?

И все же текстолог, при подготовке стихотворения к печати, должен свериться с автографом, благо он сохранился, показать историю печатного текста, наконец, попытаться определить дату написания. И что же мы видим? Оказывается, мы привыкли читать это стихотворение совсем не в том виде, в каком оно было написано.

Вот как оно выглядит в привычном чтении:

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод,

¹⁵ ПССТ 1937. С. 745.

¹⁶ Тургенев. Письма. Т. 5. С. 301.

Эти ивы и березы,
Эти капли — эти слезы,
 Этот пух — не лист,
Эти горы, эти доли,
Эти мошки, эти пчелы,
 Этот зык и свист,

Эти зори без затмения,
Этот вздох ночной селенья,
 Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
 Это все — весна!

Теперь посмотрим, как это выглядит в автографе, сохранившемся в рабочей тетради Фета (Т 2):

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света
Этот синий свод
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы
Этот говор вод.
Эти ивы и березы
Эти капли — эти слезы,
Этот пух, — не лист,
Эти горы, эти доли
Эти мошки, эти пчелы
Этот зык и свист,
Эти зори без затмения
Этот вздох ночной селенья,
Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели
Эта дробь и эти трели
Это все — весна.

Стихотворение написано на обороте листа 134, что означает, что датировка его затруднительна, поскольку обороты листов Фет заполнял не в хронологическом порядке, нередко в целях экономии бумаги записывая под одним стихотворением другое. Так и в нашем случае, где после приведенного текста в нижней части листа вписано стихотворение «Ю. Б. Шумахер» («Среди фиалок, в царстве роз...»). В отличие от основного текста, написанного размашисто и даже выразительно (особенно красиво выведены начальные буквы «Э»), второй автограф смотрится достаточно стесненным, поэту явно не хватало места. Но главное отли-

чие не в этом. Стихотворение «Это утро, радость эта...» записано необычными чернилами почти зеленого цвета. Таким цветом записан лишь еще один автограф — посвящение переводчика «Любезному племяннику Петру Ивановичу Борисову» («Спасибо, друг, — ты упротсил...») «Фауста» Гёте, над которым Фет трудился в 1880 и 1881 годах. Автограф этого стихотворения записан на обороте предыдущего, 133-го листа. К весне 1881 года перевод 1-й части «Фауста» был готов, и Фет рассылал его некоторым знакомым для внесения поправок. А стихотворное посвящение к «Фаусту» было послано в письме к Пете Борисову от 1 ноября 1881 года (с этим посвящением первая часть «Фауста» в переводе Фета и вышла в свет в 1882 году).

Таким образом, первое, что приходит на ум, — предположение, что оба стихотворения писались почти одновременно. Но когда? Если Фет сначала заполнил оборот листа 133, то оборот листа 134 был заполнен позже, возможно, после 1 ноября 1881 года. Однако могло быть и наоборот. И совсем не обязательно, что Фет послал посвящение «любезному племяннику» сразу после его написания. Стихотворение могло быть написано и ранее и позднее указанного срока. Как бы то ни было, стихотворение «Это утро, радость эта...», скорее всего, было написано в 1881 году.

Известно лишь несколько стихотворений, написанных Фетом в 1881 году. Это отклик на убийство Александра II: «1 марта 1881 года» («День искупительного чуда...»), шутивное поздравление О. И. Щукиной (в замуж. Иост): «1881 года 11 июля» («Желаю Оле...»), упомянутое посвящение Пете Борисову и стихотворение «Это утро, радость эта...». Вот, собственно, и все. Кроме того, с большой долей уверенности можно говорить, что в самом конце года было написано стихотворение «Отчего со всеми я любезна...», связанное, как показала в своей статье И. А. Кузьмина, тоже с именем Ольги Ивановны Щукиной.¹⁷ В 1881 году Фетом был написан рассказ «Кактус», имеющий в своей автобиографической основе историю любви все той же О. И. Щукиной и управляющего имениями Фета Александра Ивановича Иоста, которая разворачивалась на глазах Фета и его жены в Воробьевке летом 1881 года.¹⁸ Напрашивается мысль, что и стихотворение «Это утро, радость эта...» тоже могло быть связано с именем Ольги Щукиной.

¹⁷ Кузьмина И. А. А. Фет и «действующие лица „Кактуса“» (По неопубликованным письмам А. Л. Бржеской) // *РЛ*. 2008. № 2. С. 131–143.

¹⁸ История замужества О. И. Щукиной, в которой поэту пришлось принять самое непосредственное участие, уговорив родных Ольги Ивановны выдать ее за не-

Первой, кто догадался о реальной подоплеке стихотворения «Отчего со всеми я любезна...», была давняя приятельница поэта А. Л. Бржеская. 4 января 1882 года она писала Фету: «Отчего?.. отчего?.. отчего?.. отчего это все написалось? Под влиянием чего сложилось в стих? А мне больше по душе „Alter ego“». Как пишет И. А. Кузьмина, «стихотворение это имеет характерную особенность: все нечетные строки в нем начинаются со слова „отчего“. Предмет данной миниатюры — переживания влюбленной девушки, не успевшей еще разобраться в своих чувствах, что и вызвало любопытство Бржеской <...>».¹⁹

С именем О. И. Щукиной оказалась связана творческая история нескольких произведений Фета, в том числе лирического цикла «Romanzero», который состоит из четырех стихотворений («Встречу ли яркую в небе зарю...», «Знаю, зачем ты, ребенок больной...», «В страданьи блаженства стою пред тобою...» и «Вчерашний вечер помню живо...»), имеющих точную датировку (15 и 22 июля, 2 и 5 августа 1882 года) и написанных, по точному замечанию И. А. Кузьминой, «на одном дыхании».²⁰

Как справедливо установила исследовательница, если не принимать во внимание многочисленные стихотворные послания к родственникам и знакомым, в 1880–1881 годы «муза посещала поэта нечасто».²¹ А в первые месяцы 1882 года Фет был занят главным образом переводом второй части «Фауста». Лирический цикл «Romanzero» действительно «выбивается» из ритма фетовского творчества данного периода. Разгадку появления этого цикла И. А. Кузьмина нашла в неопубликованных письмах А. Л. Бржеской, сохранивших подлинные слова поэта и раскрывающих причину необыкновенного взлета его лирического вдохновения. Откликаясь на три присланных стихотворения (без сомнения, из будущего цикла «Romanzero»), Бржеская писала: «... в письме Вашем от 1-го августа нашла я три прелестные стихотворения. Вы пишете, что посылаете их на мою критику? (Очевидно, так Фет воспринял удивление своей приятельницы по поводу стихотворения «Отчего со всеми я любезна...» и ее реплику, что «Alter ego» ей нравится больше. — *Н. Г.*) Но какой же я критик?».²² Нет сомнений, что Бржеская, со-

богатого, но очень толкового и симпатичного ему человека, подробно изложена в указанной статье И. А. Кузьминой.

¹⁹ Кузьмина И. А. А. А. Фет и «действующие лица „Кактуса“». С. 135.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 134.

хранившая до последних дней юношеский романтизм, предпочитала стихи, посвященные ушедшей возлюбленной Фета. Сама она жила воспоминаниями о покойном супруге, ее письма наполнены этими воспоминаниями, в которых Фет всегда присутствовал в качестве друга ее мужа — поэта и переводчика Алексея Федоровича Бржеского.

Но присылку стихотворений Фет сопроводил признанием в том, что пережил «захватывающее душу счастье почуять в себе весь прилив молодости, все дыхание весны жизни...». Эти слова Фета Бржеская заключила в своем письме в кавычки и откликнулась на них: «Что же вызвало в Вас эту весну, милый, милый поэт? А также и намек на роман в Вашем доме „с действующими лицами «Кактуса»“ я не поняла».²³ В следующем письме Фет разъяснил ситуацию, рассказав, как он, «приняв к сердцу молодую пламенную любовь, поскакал в Москву» и уговорил родителей Ольги Ивановны дать согласие на брак влюбленных. «Так отраднo слышать о счастье, когда отовсюду только грустные известия <...>», — писала Бржеская Фету.

Но эти письма относятся уже к лету 1882 года, а стихотворение «Это утро, радость эта...» написано, как уже говорилось, в 1881-м. Известно, что последние три года до замужества О. И. Щукина подолгу гостила в Воробьевке. По-видимому, летом 1881 года роман уже начинался, недаром в шутивном поздравлении с именинами «1881 года 11 июля» слышится намек на предстоящее замужество:

Желаю Оле
Здоровья боле,
Чтоб жить ей доле
Пока на воле,
А в брачной доле
У мужа в доле.

История завершилась счастливым браком, хотя, как верно заметила И. А. Кузьмина, Фет «с самого начала понимал, что зять миллионера Щукина недолго останется в Воробьевке, и, устраивая его счастье, действовал именно как друг, вопреки собственным интересам».²⁴ Именно в этой атмосфере зарождавшейся и расцветавшей любви Фет создал одно из самых пронзительных лирических стихотворений, настоящий гимн радости.

Остается добавить, что впервые стихотворение «Это утро, радость эта...» было опубликовано Б. В. Никольским во втором томе Полного

²³ Кузьмина И. А. А. Фет и «действующие лица „Кактуса“». С. 134.

²⁴ Там же. С. 141.

собрания стихотворений А. Фета²⁵ с разбивкой на три строфы и с изменениями в пунктуации. В таком виде опубликовал его и Б. Я. Бухштаб. Оснований для подобного изменения авторского замысла нет. Однако М. Л. Гаспаров, посвятив этому стихотворению значительную часть своей известной статьи «Фет безглагольный. Композиция пространства, чувства и слова», исходил именно из трехстрочной композиции. Не возникло сомнений на этот счет и у его коллег при обсуждении статьи, о чем исследователь сообщил в постскриптуме к своей работе.²⁶

Любопытно, что в переписке Фета не сохранилось ни одного свидетельства о посылке этого стихотворения кому-либо из своих знакомых. Не включил его поэт ни в один из выпусков «Вечерних огней». Оно так и осталось в его рабочей тетради. Здесь заключается тайна, которую пока еще никто не разгадал.

²⁵ *ПССт 1901*. Т. 2. С. 488.

²⁶ *Гаспаров М. Л.* О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики. СПб., 2001. С. 28–35, 42. Попутно заметим, что вряд ли корректно отнес автор к «безглагольным» стихотворениям «Только в мире и есть, что тенистый...», поскольку в нем четырежды повторяется глагол «быть» в значении «существовать».